

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-63

Оформление серии *С. Курбатова*
Редактор серии *А. Антонова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Орбенина, Наталья.

О-63 *Ледяная дева* : [роман] / Наталья Орбенина. —
Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-110254-8

Сочинитель сказочных пьес Феликс Нелидов зарекается влюбляться, так как три его жены погибли. Сказочник уверен: виноват именно он, ибо все три смерти произошли по сценариям написанных им сказок. Но вот на пути Нелидова возникает барышня Софья Алтухова. Между молодыми людьми вспыхивает страсть, затмевающая страх писателя за судьбу девушки. В тот момент он заканчивает пьесу «Ледяная дева», в финале которой героиня тонет подо льдом. И сюжет начинает сбываться! Правда, в самый трагичный момент Софью спасают. После такого поворота событий влюбленные понимают одно: злой рок здесь ни при чем. Ведь лед намеренно надкололи! И, похоже, сделал это человек из их ближайшего окружения!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Наталья Орбенина, 2020

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110254-8

Часть первая

Глава 1

«И только диву даешься, уважаемые господа читатели, как много в нашей жизни происходит такого, чего наш скудный разум не в состоянии понять. Вот именно для таких случаев и нужны эти самые колдуны, ведьмы, маги, прорицатели, знатоки столоверчения и заклинатели духов умерших. Заметьте, не учителя, не профессора и знатоки наук зовутся в толкователи, а именно эта мракобесная публика. Они как мухи на мед слетаются туда, где, на первый взгляд, рациональное знание отступает. Однако же нам, поборникам просвещения, должен быть утешителен тот факт, что даже при самых явных признаках потустороннего присутствия всегда имеется некий незначительный шанс торжества здравомыслия и простого объяснения. Именно таким образом всегда и поступает небезызвестный следователь сысковой полиции Сердюков Константин Митрофанович. Нам уже доводилось рассказывать нашим читателям о таинственных и запутанных делах, которые успешно были разрешены господином Сердюковым. Между прочим, во многих из них чертовщиной и

колдовством отдавало за версту, но после того, как за дело брался наш герой...»

Сердюков отбросил газету и поморщился. Какая глупость! И как, однако, неделикатно! Выставили его черт знает в каком виде, эдаким борцом с темными силами! Тьфу! Вот и пожинай теперь плоды подобной славы. Следовательно подавил раздражение и снова со вздохом обратился к посетительнице:

– Стало быть, после прочтения этой газетной заметки вы и решили обратиться ко мне?

– А к кому же еще, сударь? – изумилась посетительница, полная, румяная женщина средних лет. – Рассудите сами, кто же меня слушать-то станет, решат – не в уме баба, да и кому такое пере-скажешь?

Женщина понурилась и поправила съехавший на лоб платок. Повисло молчание. Сердюкову страсть как не хотелось снова сделаться специалистом по распутыванию потусторонних чудес, коим он уже успел прослыть среди своих коллег и начальства. Эту славу он считал сомнительной, но, увы, несколько громких и странных дел, которые он вел, накрепко связали его имя с самыми загадочными и плохо объяснимыми событиями и явлениями.

Сердюков снова вздохнул, и на этот раз громче обычного. Женщина вздрогнула.

– Что ж, мне уйти, батюшка?

– Да нет, уж, коли пришли, давайте разбираться, что там приключилось с вашей барышней и что это за Синяя Борода такая.

– Да, так и сказала, что, мол, точно Синяя Борода! И упала. Так и лежит, бедная моя!

– А вы знаете, что такое «Синяя Борода»? – подивился следователь, который в далеком детстве почитывал жутковатые сказки французского сочинителя господина Шарля Перро. Простоватый вид его собеседницы не предполагал в ней начитанности.

– Знаю, сударь, как не знать, коли я моей барышне, деточке, Сонечке, книжечки все читала. Я ведь грамотная. А после, как подросла, она мне читала вслух по вечерам, так и развлекали друг друга, особенно когда она сироткой осталась. Я ж ей и нянька, и кухарка, и горничная, и верный друг. Мы с Филиппом Филипповичем...

– Простите?

– Муж мой, Филипп Филиппыч, он в нашем доме за дворника, сторожа, швейцара и так, помощь на все руки. – Собеседница чуть улыбнулась при упоминании имени мужа, да спохватилась. – Втроем живем: барышня моя – Софья Алексеевна Алтухова, я при ней и мой муж. Я в этом доме всю жизнь, в барских покоях с детства росла. Замуж вышла, да за мужем подалась в Петербург. Он на фабрику устроился, да только не повезло ему – калекой сделался, без ноги остался. Я к барыне покойной в ноги кинулась, она меня опять к себе приняла, к девочке своей приставила. Вот я с той поры и при ней, служу ей верой и правдой, да и не служу даже, а как за родным дитя переживаю, своих ведь Господь не дал. А барышня наша прелесть какая! И статная, и милая, и образованная!

А голос какой, заслушаешься! Она в училище для девочек служила, начальство ее очень было до-вольно. Одно было плохо, нет жениха достойного, и все тут! Словно у господ глаз нету! Словно не видят, какое сокровище пропадает! Она, моя птичка, так и сидела в девушках. Я все убивалась, все Бога молила послать ей жениха достойного, что-бы мне, ежели помру, так не стыдно было перед ее маменькой на том свете предстать. Так, поди же ты, все нет и нет!

Я ей, Сонечке-то, говорю, дитя, век бабий недолог, пропадет краса и молодость. А она мне, что на роду написано, тому и быть! Не буду я сваху просить мужа мне искать! Гордая! Да, к слову ска-зать, в нашем городишке и искать-то было негде. И некого. Все женихи наперечет. Есть, правда, не-которые, да очень уж никудышные. Так уж больно я надеялась, что она всякий раз, когда в Петербург к Толкушиным едет, так уж точно приглянется какому-нибудь порядочному человеку. Вон ведь, сколько народу по улицам ходит!

Женщина махнула рукой в сторону мутного окна кабинета следователя.

Да уж, и впрямь, много ходит. А сколько из них подлецов, низких и гадких личностей, мошенни-ков, воров и убийц! Следователю это обстоятель-ство было известно лучше, чем кому-либо.

— Значит, ваша барышня Софья Алексеевна все эти годы проживала в городе Энске, в собствен-ном доме, доставшемся после смерти родителей, служила в женском училище и дожила до опасно-го возраста, когда можно остаться в старых девах,

и тут, по вашему рассказу, ей подвернулась чудесная партия.

— Да, сударь, именно так! Я и поверить не могла, что Бог услышал мои молитвы и послал нашей Соне такого завидного жениха. Как я надеялась, через Ангелину Петровну, благодетельницу Со-нечкину, все и получилось. Она, моя радость, такая счастливая была, что мы с Филиппом Филиппычем сами плакали от счастья, глядя, как она вся светится. Я все поверить не могла. Жених-то наш и богат, имение наследовал в окрестностях Энска, и образованный такой; они все говорили, говорили друг другу что-то, смеются, перебивают, воркуют... И манеры такие приятные: обходительный, заботливый, и подарки носил чуть ли не каждый день. Весь город моей барышне завидовал. Мол, и чего это именно ей выпало такое невысказанное счастье, ведь и помоложе девицы сидят, и покраше, и с богатым приданым, не то что моя девочка. А потом, смотрю, как будто свет потух, поникла Соня, с лица спала. Ходит сама не своя, ночью слышу, не спит, ворочается. Мается. Я с расспросами, а она мне: «Не мучай меня, Матрена Филимоновна, не знаю, что тебе и сказать, да только кажется мне, что сказке моей о принце пришел конец». Вдруг уехала, не было ее, потом является, белая вся, трясется, глаза круглые как блюдца. «Вот, Матреша, говорила я тебе, что сказке моей про принца пришел конец? Говорила? Так вот, не принц это оказался. Не принц, а самая настоящая Синяя Борода! Не алтарь меня ждет, не брачное ложе, а жуткая смерть, погост!»

Сказала так и упала. Мы насилу ее дотащили до кровати, водой холодной обливали, муж за доктором бегал. В горячке лежала, все бредила. Я этого бреда наслушалась... и сама чуть с ума не сошла. Жених-то наш злодеем оказался ужасным! Прямо как в той страшной сказке. Соня, когда очнулась, я и спрашиваю ее, ты что такое говорила про господина Нелидова? Она в сторону смотрит, бред, мол, в горячке. Тут я испугалась еще пуще. Сделала вид, что к родне в столицу понадобилось, а сама к вам за помощью. Газетку вот схоронила, она и пригодилась. Насилу вас и нашла, не пускали меня, да только мне деваться некуда, некого просить о помощи. И возвращаться надо побыстрее, как она там без меня, мой ангел!

— А как жениха зовут? — уточнил следователь.

— Феликс Романович Нелидов.

— А чем занимается, не знаете?

— Как же не знать, знаю. Литератором представился. Соню мою этим пленил, они все о книгах да о стихах говорили. Он вроде как и пьесы пишет для театров, не знаю точно. Но происхождение у него дворянское. И наследство имеется порядочное.

— Наверное, иначе на какие же деньги он имение купил. Неужто на жалованье в театре или на гонорары? А, кстати, вы упоминали фамилию Толкушиных и имя благодетельницы некой Ангелины Петровны?

— Да, батюшка. Ангелина Петровна Толкушина. Она тоже из Энска. Родительский дом ее рядышком с нашим, садами соседи. Замуж в Петербург вышла.

– А мужа ее не знаете как звать?

– Господь с вами, сударь, как же не знать, коли барышня моя каждый год, да по два раза в этом доме гостила! – собеседница даже махнула на следователя полной рукой. – Тимофей Григорьевич Толкушин, купец, солидный человек!

– Толкушин! Тимофей Григорьевич! – обрадовался следователь и откинулся на стуле, потирая бледные длинные кисти рук. – Так-так! Славно! Славно!

Матрена Филимоновна смотрела на собеседника с непониманием: чего уж тут славного? Она многое знала о Тимофее Григорьевиче такого, чему не порадуешься.

– Странное совпадение, – рассуждал вслух следователь. – Знаете ли вы, что стряслось с купцом Толкушиным?

– Откуда же нам знать, сударь, мы далеко, в глуши, до нас вести не сразу доходят! – пожалала плечами собеседница, но как-то уверенности в ее голосе следователь не уловил.

– Он арестован по подозрению в убийстве своей любовницы, актрисы театра Изабеллы Кобцевой.

– Прости господи, доигрался! Седина в бороду, бес в ребро! Наказал бог! Наказал! – запальчиво воскликнула женщина и истово перекрестилась.

– Среди тех, кто служил в театре, упоминается и имя вашего таинственного господина Нелидова. Любопытное, однако, совпадение!

Следователь замолчал и задумался на несколько мгновений. Есть ли тут какая-нибудь связь? Придется побеседовать с этим странным литератором и с его возлюбленной.

– А теперь где Нелидов находится, в Энске?

– Не знаю, сударь, в том-то и дело, может, у себя в Грушевке, а может, он в Петербург подался. Только вы тут его и отыщите, да и арестуйте!

– Вот тебе раз! – изумился следователь. – Где же я его разыщу, и что я ему, с вашего позволения, скажу, на каком основании я его арестую? Нет, голубушка, уж коли вы пришли ко мне, так должны знать, что я за дело берусь обстоятельно. И если действительно в этой истории есть преступление, мы его будем расследовать. А для этого мне надо, по крайней мере, поговорить с госпожой Алтуховой. Так что в скором времени придется мне навестить ваш богом забытый Энск.

Когда Матрена Филимоновна ушла, переваливаясь с ноги на ногу, следователь отправился к родственнику, некогда служившему инспектором в Институте благородных девиц. Хорошевский – так звали кузена – имел богатую библиотеку и чрезвычайно удивился, когда Сердюков попросил у него на некоторое время том французских сказок. Вернувшись поздно вечером в одинокую холостяцкую квартиру, Константин Митрофанович наскоро проглотил ужин, оставленный кухаркой, и устроился читать. Было уже далеко за полночь, когда сон и усталость сморили следователя. Лампа едва горела, фитиль коптил, на стене дрожали тени. Книга выпала из рук, глаза закрылись сами собой. Сердюков спал и во сне видел ужасного графа по прозвищу Синяя Борода. Полицейскому

снилась молодая жена графа и замок с тайной комнатой, которую открыла любопытная женщина, а в ней находились тела прежних жен, которых граф злодейски убил.

Глава 2

Софья Алексеевна Алтухова была неприятно изумлена явлению в свой дом незнакомого высокого белобрысого мужчины средних лет, представившегося следователем петербургской полиции. Гостю пришлось долго ожидать в гостиной, пока хозяйка приведет себя в надлежащий вид. Софья Алексеевна приняла гостя в скромном домашнем платье, с наскоро убранными волосами. Нет, она вовсе не слыла неряхой, совсем наоборот. В Энке госпожу Алтухову видели если не в миленькой шляпке, то с идеально причесанной головкой, искусно уложенными светлыми волосами. Всегда затянутая в корсет, прямая и строгая, как учительская указка, она являла собой пример своим ученицам в женской гимназии, где преподавала и русскую словесность, и историю. В маленьком городишке, где все друг друга знают в лицо, где могут запросто явиться на дом родители учениц, сами ученицы или, не дай бог, гимназическое начальство, Софья Алексеевна не могла позволить себе быть неопрятной, не могла быть застигнутой врасплох. И посему, даже если она и вовсе не выходила из дома, то все равно была строга к себе, и отражение в зеркале оставалось самым непреклонным судьей.

И вот вдруг эта же самая Софья Алексеевна не выходит из дома, не принимает визитеров, лежит сутками напролет в постели, и Матрене Филимоновне со слезами и криком удается поднять барышню, чтобы хоть расчесать ее длинные косы. Так ведь и колтун скататься может! И что прикажете тогда делать? Неужто остричь, как тифозную?

Сердюков уже три четверти часа мерил гостиную шагами в ожидании хозяйки. Дом как дом. Таких много в русской провинции. Сдержанное благородство обстановки, за которым прячется очень скромный достаток. Портреты покойных родителей в деревянных темных рамах. Вышитая крестиком скатерть на круглом столе под абажуром. Деревянные стулья с высокими спинками чинно расставлены вокруг стола. Чуть продавленный диван с бархатными подушками и весьма приметными волосками кошачьей шерсти. На окошке фуксии и герань, кружевные занавески скрывают от любопытных глаз соседей жизнь этого дома.

Чуть скрипнула половица, следовательно обернулся, надеясь, что это хозяйка. Ан нет, это хозяйский кот. Спокойно и важно, чуть хромая на переднюю лапу, большой серый кот, бесшумно ступая на мягких лапах, подошел к незнакомцу и едва прикоснулся к башмакам гостя, брюкам, шевеля усами и поглощая новые запахи. Сердюков поспешно отдернул ногу, как и многие мужчины, он не пылал любовью к кошачьему племени, да и собирать светлые шерстинки с одежды ему не хотелось. Кот посмотрел на него с недоумением и упреком. Что, мол, сударь, здороваться не желаете, брезгуете мною?

– Кисуля! Поди прочь, оставь гостя в покое! – раздался приятный женский голос. – Чем обязана, сударь?

Сердюков поклонился вошедшей даме. Госпожа Алтухова показала ему чрезвычайно бледной и утомленной. Но ни синева под глазами, ни глубокая грусть, причина которой была следовательно уже частично известна, не могли испортить миловидности ее лица. Нет, она не была красавицей, но все ее черты имели особую выразительность, которая присуща одухотворенным, думающим, глубоким натурам, подверженным сильным страстям и переживаниям. Серые глаза смотрели строго, по-учительски.

– Госпожа Алтухова, я следователь полиции из Петербурга, Сердюков Константин Митрофанович. В ваш маленький город я приехал в связи с делом об убийстве госпожи Кобцевой. Вероятно, вы осведомлены о том, что в ее смерти обвиняется господин Толкушин. А вы, как я теперь знаю, частенько гостили в доме Толкушиных, вели близкое знакомство с супругой подозреваемого, Анжелиной Петровной Толкушиной. Я исследую все возможные аспекты данного дела, история чрезвычайно запутанная. Позвольте задать вам несколько вопросов?

– Извольте, – Алтухова пожала плечами и села на диван. Следователь пристроился на стуле, обойдя деликатно кресло, предложенное хозяйкой, ибо там своим орлиным взором он заприметил опять же кошачью шерсть.

Кот, как только хозяйка уселась, тотчас же прыгнул ей на колени и принялся с легким урча-